

Лапшина И. В., Алексеева А. В.

[ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС В МИФОЛОГИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МИРА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-109. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В результате церковной реформы церковь потеряла огромную часть своего влияния и превратилась в часть государственного аппарата, строго контролируемую светской властью. В Европе церковь, отдаляясь от государства, сближалась с верующими, у нас она отдалялась от них, переставала быть защитницей «униженных и оскорбленных», способствовала поглощению личности крепостническим государством. Российская государственность превратилась в предмет нового культа, потеснив христианство, поставив религиозные ценности на службу государственным интересам. Принцип «служения Отечеству» во имя «общего блага» составил основу национально-государственной идеи петровской эпохи, способствовавшей утверждению светского и активностно-деятельностного образа жизни. Петр I поставил задачу: повести авторитарно-православную Россию по пути либерально-христианского Запада, но традиционно внес в это дело «дикую» волю, деспотизм, произвол. Поэтому такие сущностные новации европейской цивилизации, как например, договорно-правовой тип общественного устройства, права человека и парламентаризм, остались вообще не востребованными российской государственностью. Реформы Петра I привели к образованию двух укладов – «почвы» и «цивилизации» – по терминологии В. Ключевского. Носителем первой субкультуры было большинство русского народа, носителями другой – европеизированные верхи страны, а между – была пропасть, глубинный раскол России.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС В МИФОЛОГИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МИРА

Лапина И. В., Алексеева А. В.

Таганрогский государственный педагогический институт

Таганрогский технологический институт Южного федерального университета

Настоящая работа посвящена исследованию принудительного ресурса в мифологических представлениях человека о природе и обществе. Следует сказать, что мифологическое объяснение мира, на ранних этапах зарождения общества, характеризовалось слитностью с эмоциональной сферой. Сегодня общество «как пространство социальных взаимодействий» регулируется определенной системой нормативных предписаний, носящих принудительный характер по отношению к индивидам и социальным группам. Социальное принуждение, выступая в этом плане в качестве общественной необходимости, является ресурсом социального управления. Можно сказать, что технологии социального принуждения широко используются в обществе в качестве регулятива общественных отношений. На наш взгляд, аналогичной системой нормативных предписаний в истории развития общества являлось мифологическое объяснение мироустройства, которое также представлялось ориентиром, позволяющим упорядочить социальную практику.

Известно, что одной из важных функций мифа являлось создание модели, образца. Мифические герои обладали магической силой, которую они использовали для поддержания установленного порядка в обществе и природе. Миф – способ практического воздействия человека на окружающий его природный мир, а также мир социальный и духовный. Миф позволял в сознании человека конструировать мир в виде образов, например, болезни представлялись, как жуткие чудовища, которые пожирают людей. Миф является символическим миром верований, фантазий, ценностей и норм поведения. Определенный интерес представляет мифологическое воображение и его виртуальный характер. О виртуальном характере, может говорить следующее: в мифологическом воображении, также как и в виртуальной реальности, образы отождествляются с реальным миром. Для индивида мир виртуальной реальности является эмоционально-образным. В психологической ткани внутреннего мира индивида имеются пустоты неопределенностей, которые «заполняются» личной интерпретацией образов, созданных воображением и они как следствие, становятся для индивида определенностями. В сеансе виртуальной реальности для индивида виртуальные образы являются реальностями. В мифологическом воображении раскрывается мир фантазий и верований. Для древних людей танцор, выступающий перед ними в впечатляющем наряде, являлся «настоящим» богом. В этом случае, можно сказать, что «соты» внутреннего мира древнего человека заполнялись интерпретацией наблюдаемой им картины.

Заметим, что А. Ф. Лосев в своей монографии «Философия. Мифология. Культура» даёт следующее определение: «Миф есть логическая, т.е. прежде всего диалектическая, необходимая категория сознания и бытия вообще... Это есть сама жизнь» [Лосев А. Ф. 1991: 121]. Приведем также мысль В. Г. Белинского. Он указывал на жизненное значение мифологических образов. «Мифология была выражением жизни древних, - писал он, - и их боги были не аллегориями, не риторическими фигурами, а живыми понятиями в живых образах» [цит. по Радциг С. И. 1977: 30].

Миф стоял у истоков развития общества и представлял собой средство описания устройства мира. Мифологические герои представляли собой образец для подражания и были призваны поддерживать установленный порядок в обществе и в природе в целом. Интересные высказывания мы находим у А. М. Горького. «Чем древнее сказка и миф, - писал он, - тем с большей силой звучит в них победное торжество людей над силами природы... почти во всех древнейших мифах человек терпит наказание от богов за его службу людям: Прометей за то, что похитил пищу богов, нектар и амбросию, Сисиф – за то, что заковал в цепи смерть, посланную Зевсом, и люди перестали умирать» [Радциг С. И. 1977: 30]. Поддержание равновесного порядка

в обществе всегда было важной и необходимой компонентой его бытия. Различного рода ритуалы были призваны воспроизводить события мифического времени и в них мифическим героям инициировались магические силы, с помощью которых они могли сохранять некогда установленный порядок. «Образ был, - продолжает А. М. Горький, - вместилищем определенной суммы опыта и воспринимался, как идея, которая, возбуждая творческую силу, дополняла недостаток реально данного желаемым, как возможным. Поэтому миф – не бесплодная фантазия, а в основе своей – реальная истина, дополненная воображением и призванная руководить жизнедеятельностью коллектива...» [Горький М. 1939].

Нам интересны эсхатологические мифы, которые повествовали о «последних» вещах и о конце мира. Кризисные ситуации (эсхатологические катастрофы) всегда и во все времена сопровождались нарушением прав и морали, различными преступлениями которые требовали возмездия богов. Однако следует отметить, что мифологическая интерпретация мира часто расходилось с реальными социальными практиками. В этих мифах мы находим, например, преддверие приближающейся космической катастрофы, и ее признаки, воплощенные в виде страшного суда, «тепловой смерти» вселенной, обнищаний природных ресурсов и др. Эти примеры зависели от диапазона знаний и образов, имеющих определенную культурно-историческую обусловленность. Эсхатологические катастрофы и повествуящее о них мифы оказывали психологическое давление на людей, которое было основано на поддержании чувства страха перед грядущими событиями. Кроме того, эсхатологические мифы можно было рассматривать как пример возможного события, которое имеет потенциал психического давления в виде угрозы физического принуждения.

В целом смысл мифологических образов можно соотнести с древнейшими чувствами человека, с его позиционированием в природной среде и в сообществе себе подобных, с его «базовыми» эмоциями (удивление, радость, гнев, страх, голод, и др.) с психологическими догмами и архетипами общественного сознания.

Гнев можно было рассматривать как элемент психологического принуждения и если это, например гнев представителей политической власти, то он в разные эпохи приводил к разрушениям, и даже к гибели целых народов. Примером может послужить суждение о гневе римского философа Л. А. Сенеки. В трактате «О гневе», он пишет следующее: «...ни одна чума не обошла человеческому роду так дорого... ты увидишь окровавленные трупы, приготовленные яды; потоки грязи, которые обливают друг друга истец и ответчик; развалины городов; вымирание целых племен... целые огромные страны, плавающие в неприятельском огне» [Сенека Л. А. 1994: 223]. Гнев не контролируется разумом и скорее всего, подавляет его и даже может вернуть человека в животное состояние. Помимо всего прочего гнев психологически воздействует на индивида.

Мифологические представления о дозволенном и недозволенном, справедливом и несправедливом солидным образом влияли на источники древнего права - нормы обычного права, законодательства, и судебные решения соответственно. Правосудие претворялось в жизнь самими должностными лицами и жрецами. Вот, например, мнение немецкого философа И. Канта: «...Все внеправовое (неправомерное) препятствует свободе или оказывает ей сопротивление... стало быть, с правом также связано правомочие, применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву...» [Кант И. 1995: 18]. Политико-правовые умения и знания людей возводились к некоторому нечеловеческому источнику и авторитету. В ряде мифологических сюжетов и гимнов в качестве источника справедливости, защитника слабых выступал бог, жестоко карающий все злое, лживое, несправедливое и неправое. Всякого, кто нарушал путь правды, справедливости и права - ждала по тогдашним представлениям неминуемая и суровая кара. Например, во времена "гомеровской Греции" (конец 2 - начало 1 тысячелетия до н.э.) эллины оперировали, в частности, такими понятиями, как "дике" (правда, справедливость), "темис" (обычаи, обычное право), "тими" (честь, почетное право, притязание), "номос" (закон). Эти понятия и характер их взаимосвязей выразительно отражали правопонимание древних греков того времени. Согласно Гомеру, Зевс как верховный заступник всеобщей справедливости (дике) негодует на тех людей, которые, отступая от этой справедливости, вкривь толковали обычаи (темис) и силой творили неправый суд [Вышинский А. Я. 1949: 384-388].

Согласно божественной справедливости, все люди равны по природе и наделены богами равными возможностями. Нарушение такого рода равенства в человеческих отношениях являлось подтверждением отступления людей от божественного закона. Важнейшим фактором, поддерживающим божественно освященные устои официального порядка (тесно взаимосвязанные между собой представления о божественной справедливости, правила религиозного ритуала, принятые обычаи и нравы и т.п.), был страх перед наказанием - при жизни или неминуемо после смерти - за те или иные провинности или прегрешения. Этот страх успешнее всего подпитывался там, где упирался на крепкую веру в бессмертие души и загробный суд богов. Так в социальной среде имели место психические процессы, которые представляли собой совокупность психологических элементов, и они же всецело были обусловлены психикой индивида. Страх, как психологическая составляющая оказывал давление на людей, а принуждение можно было понимать буквально, как оказание давления. Соответствие земных, человеческих порядков, отношений, норм и правил поведения божественным началам являлось само собой разумеющимся моментом мифологических сюжетов, которые повествовали о всемогущих, богах, создателях неба и земли, а также и о человеке и укладе его жизни. Естественное (природное) согласно подобным воззрениям тоже божественно, а все человеческое верно и достойно позитивной оценки в той мере, в какой оно соответствовало естественно-божественным установлениям.

Итак, миф – это цельное, нерасчлененное полотно бытия во всем его многообразии. Страх и гнев выры-

ваясь наружу, становились не контролируемыми, ослабевали психологическую защиту, что определяло поведение человека. В результате индивида можно было использовать как эффективный инструмент для управления. Управление могло осуществляться с использованием инструментов принуждения как физического, так и психологического, а также технологий связанных с убеждением. Следовательно, можно сказать, что страх и гнев являлись ресурсами, обладающими принудительной силой, мощно воздействующей на человека. Впрочем, они и теперь обладают внушительным потенциалом.

Список литературы

- Белинский В. Г.** Сочинения А. Пушкина // Полн. собр. соч. - М., 1978. - Т. 7.
Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. - М., 1949.
Горький М. По поводу плана хрестоматии // Правда. – 1939. - 18 июня.
Кант И. Метафизика нравов в других частях // И. Кант. Критика практического разума. - СПб., 1995.
Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. Мыслители XX века. - М., 1991.
Радциг С. И. История древнегреческой литературы. - М.: Высшая школа, 1977.
Сенека Л. А. О гневе // Вестник древней истории. - М., 1994.

«МЫ ЖИЛИ В ПАЛАТКЕ»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЖИЛЬЯ НА МАГНИТОСТРОЕ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Макарова Н. Н.

Магнитогорский государственный университет

Одна из вечных проблем российского общества, связанных с жилищной площадью и условиями проживания, обострилась особенно после революции. В период индустриализации проблема жилья остро стояла в старых промышленных городах, не говоря о новостройках, где положение было катастрофическим. Магнитогорск, строящийся индустриальный центр, в 1929-1935 гг. ощутил вышеозначенную проблему не менее остро.

Первых прибывающих на Магнитострой рабочих селили в брезентовых палатках, каждая из которых вмещала по 15-20 человек. В литературе бытует мнение о том, что в подобных палатках первостроители жили годами. Действительно палаточный лагерь у горы Магнитной существовал, но только в летние месяцы 1929 г. В последующие годы брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое только в лето для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих. Однако, даже палаток часто не хватало. Так, собкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни жил три месяца на стоге сена. Архивные данные свидетельствуют о том, что выписать брезент для установки палаток было не просто. Начальник Магнитостроя Яков Шмидт неоднократно направлял запросы в совет труда и обороны СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом, но получал отказ. Поэтому вскоре магнитогорцы начали строить облегченные бараки. Ясность в вопрос о сроках существования палаток в Магнитогорске как временного типа жилища в течении всего календарного года внести довольно сложно. Свидетельства очевидцев сбивчивы, а архивные данные и сведения периодической печати значительно рознятся. В сентябре 1930 г. газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках [Коткин 2001: 115]. Исследователи И. В. Антипова и М. И. Школьник также указывали на то, что в лето 1931 г. более 10000 человек проживали в палатках. Так или иначе, но к ноябрю 1929 г. брезентовые палатки были заменены «чингизками». Смысл строения заключался в том, что стены брезентовой палатки покрывали досками, а между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Такие жилища в Магнитогорске просуществовали вплоть до 1933 г. Свое название этот вид жилища получил по имени создателя – заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдрыма.

Довольно похожи по конструкции на «чингизки» были магнитогорские землянки. Магнитогорец Н. Яловой вспоминал, что в 1935 г. его отец построил землянку № 57 в поселке 8 Марта. Землянка представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и летом росла трава. Коренным отличием землянки от «чингизки» было то, что последние находились над землей, а землянки уходили под землю приблизительно на один метр.

Наибольшую популярность и распространение в Магнитогорске получили бараки. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание, входы в которое осуществлялись через пристроенные тамбуры. Преимущественно строились бараки двух типов: для семейных и одиночек. По воспоминаниям А. И. Сулимова в Магнитогорске не предполагали первоначально строить бараки для семейных, т.к. «строители будут временные без семей...» [МУ «Магнитогорский краеведческий музей». Ф. 1908. Л. 51]. Но уже в 1930 г. к рабочим стали приезжать жены и дети. Для строителей – одиночек бараки строились типа казарма на 250-300 человек, для семейных - с комнатной планировкой на 150-200 человек с изолированными комнатами площадью по 12-15 кв. м. При наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (палати) для игр и сна площадью около 5 кв. м. В комнате также размещалась печь. Довольно часто